

Куда ни приедешь —

повсюду «великие» люди:

Повстанцы... Поэты...

Легенды Отчизны своей.

Везде повторяют:

«Мы их никогда не забудем...

Они не смирились...

И рушили гнет москалей...»

Глупцы-московиты...

Вы знанья несли, как Мессии,

Спасали от варваров

сущность славянских племен...

Спасали Шевченко...

А он ненавидел Россию...

И против России Мицкевич собирал легион¹.

Ученый-историк

вам разве что скажет на ушко,

До этого молвив:

«Костюшко — герой, генерал...»;

¹ Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) будущий классик польской литературы Адам Мицкевич пытался сформировать отдельный еврейский легион, который должен был воевать против России на стороне Турции. Акция провалилась, поэт скончался от холеры в Константинополе в 1855 г.

Что улица в Питере носит название Костюшко —
Наверно, за то, что он русских, где мог, убивал...
Прикрыла Московия

белым крылом исполинским
Славян от монголов, французов, едва не сгорев.
«Прощание с Родиной» — Михал Клеофас Огинский...
Великая музыка...

«Польска не згине, псякрэв!..»
Брожу по Москве...
Наблюдаю... Твержу без укуору:
«Неужто, столица,
тебе и теперь невтерпеж
Собратьев спасти от беды в эту смутную пору,
Встречая лопатками
братьями всаженный нож?..»

* * *

Он бредет по бездорожью,
Звать его — Иван-дурак.
На челе — отметка божья,
А на теле — божий знак.

Зимний ветер студит груди,
Рвет поземка волоса.
А навстречу злые люди,
Злостью полные глаза.

— Что напялил эти тряпки,
Даже водкой не согрет?
— Надо б дать ему по шапке...
— У него и шапки нет...

Что ответишь? Злые взгляды,
Злая щерится зима.
Только жалости не надо,
Жалость — это как чума.

Снег метет... Собака лает.
И с небес неясный гул.
Но дурак чего-то знает,
Что-то Бог ему шепнул.

И бредет по буеракам
Вот уже который век
Этот самый... С божьим знаком...
С божьим знаком человек...

Увидеть свет в конце тоннеля,
 Когда растаявшая мгла
 Вдруг воротит и звон капели,
 И свет из дальнего угла.
 Польется — прежде осторожно! —
 На стол, на тумбочку, на срез,
 Где кольца все еще тревожны,
 Где запах смолы не исчез.

Увидеть свет в конце тоннеля...
 И вздрогнуть — наконец-то свет!
 Понять, что стекла запотели,
 Что звук дыханием согрет.
 Что, отделяясь осторожно
 От бесконечной темноты,
 Другой явился свет — тревожный,
 А с ним и тень твоя... И ты...

Увидеть свет в конце тоннеля,
 Воспрянуть — кончился тоннель.
 Увидеть черное на бели
 И белое на черном... Щель
 Замазать густо... Взять собаку,
 Бродить, не чувствуя того,
 Что мы опять летим ко мраку —
 Летим, не помня ничего.

* * *

Неясные звуки... Вечерняя тихая лень.
 Прозрачные руки над пологом мира воздень.

Пусть явится тихо, повиснув на тени надежд,
 Забытое лихо в сиянии белых одежд.

Пусть станет остывшим мой вечно горячечный лоб,
 Трава станет илом, а песня споется взхлеб.

Тяжелые звезды сплывут и погаснут вдали,
 Сквозь розовый воздух мои уплывут корабли.

И будет тревога царить в целом мире... Одна...
 Где ты, недотрога, безмолвно стоишь у окна.

И белая кожа, слезой оросясь из-под вежд,
 Солется, тревожа, с сиянием белых одежд.

Не станет разлуки... Не станет осина желтеть.
 Неясные звуки... И ныне, и присно, и впродь...

В дому серостенном, где время пустилось в бега,
 Где вечность — мгновенна... И только секунда — долга.

В напрасном мире полусонном
 Все чудится, что вижу я,
 Как над стремительным вагоном
 Восходит звездная струя.

Чуть извивается... Искряще
 Насквозь пронзает облака.
 И крестит лоб ненастоящий
 Ненастоящая рука...

Мне это чудится... Но светом
 Едва колеблема в ночи
 Нисходит тень... Зачем об этом?..
 Зачем об этом?.. Помолчи...

Ведь жизнь устроена зеркально —
 То, что бесценно, то — тщета...
 Печален я... И ты печальна...
 И между нами пустота.

Проходит все... Сотрутся лица.
 Но ослепит ночной порой
 Тот свет, что истово дробится
 В твоей слезинке золотой.

* * *

Ты все сказала поутру,
 Ты все сказала.
 Слова порхали на ветру,
 Их было мало.

Их было восемь или семь...
 Паря невольно,
 Они не ранили совсем,
 Но было больно.

От напряжения звеня
 И от печали,
 Они летели сквозь меня,
 В груди кричали.

И, виноватый без вины,
 Все шарил дверь я.
 И что-то ныло — от спины
 До подреберья.

Рука скользнула по руке —
 Хоть напоследок.

И что-то меркло вдалеке
Меж черных веток.

И что-то вспыхивало вновь,
Маня безлико.
И было тише, чем любовь,
Но громче крика.

Ты уходила налегке,
Не верил в ложь я.
И серебрилась на листке
Слезинка божья.

Скрипело старое крыльцо,
Что все пропало.
И лишь одно твое лицо
Не угасало.

* * *

Я в этот мир пришел в свое число,
Меня сюда случайно занесло.
Я не спешил сюда... Меня не звали.
Но коль явился, значит, нужно жить,
Любить, страдать... И голову сложить,
И претерпеть все страсти и печали.

Я в этот мир, пусть трудно, но пришел,
Я в этом мире женщину нашел,
Которая меня не оттолкнула.
Я научился с нею говорить,
Любил ее... Потом устал любить...
Оставлен ею средь мирского гула.

Потом другая женщина пришла,
Взяла за руку, взглядом обожгла
И от печалей многих охранила...
Но без печалей разве проживешь?
И ложь пришла... За ней — другая ложь.
А лживо жить душе совсем не мило.

Жилище есть... А дом?... А дома нет.
С утра встаешь доламывать хребет.
А для чего? Какая в том потреба?
Когда, давно ничем не веселя,
Почти чужою сделалась земля,
И мыслится про будущее небо...

Осталось слово?... Слово — это звук.
Оно молчит в предчувствии разлук —
Мне так казалось, Боже, так казалось...
Но голос вдруг явился наяву,
Но голос зазвучал — и я живу,
И нечто есть превыше, чем усталость...

...А потом ты уйдешь на рассвете,
Поцелуи мои унося,
За разлуки земные в ответе,
Из прощания соткана вся.

Из прощания и всепрощенья,
Из дрожания чутких ресниц,
Из того золотого мгновенья,
Где лицо твое — в тысячах лиц! —

Почему-то пришло... И запало
В сердце, сея возвышенный свет.
И я вздрогнул светло и устало,
Точно зная про этот рассвет.

Точно зная про эту минуту,
Про желанья, безумные сплошь,
И про то, что уйдешь почему-то,
На рассвете тихонько уйдешь.

И, уже умоляя светило
Несмотря на понятное «Нет!»,
Чтоб с рассветом слегка погодило,
Задержало в то утро рассвет...

* * *

Ты — белая птица, я черная птица,
Нам вместе лишь плачется, но не летится.

Летаешь одна средь небесной печали,
А вместе мы в небе совсем не летали.

И мечется черная птица, и злится —
Ей жаждется с белою птицею взвиться

Туда, где, пронзая тяжелые тучи,
Она все взвивается выше и круче.

Туда, где она, горделиво и немо,
Ласкает крылами запретное небо.

Им рядом нельзя появляться в просторе:
Где черное небо — там черное горе.

Пусть белая птица порхает высоко,
Не молвит ей черная: «Мне одиноко!..»

Лишь бьется на суше да слезы глотает,
Но шепчет, что пусть хоть одна полетает.